

3. Роль С.Г. Лазо в осуществлении военной политики Советского правительства в Дальневосточной республике (1919 – апрель 1920 гг.)

Сочетание политической и военной работы С.Г. Лазо наиболее ярко проявилось в дальневосточный период его жизнедеятельности. Именно здесь он вновь проявил себя политическим и военным деятелем государственного масштаба, способным самостоятельно решать наиболее трудные политические и военные вопросы.

Анализ архивных документов показывает, в какой обстановке С.Г. Лазо решал вопросы военной политики Советского правительства на Дальнем Востоке.

К концу 1919 г. колчаковские войска были разбиты Красной армией. Восточный фронт перестал существовать. Это вынудило Соединенные Штаты Америки еще в январе 1920 г. объявить об эвакуации своих войск с русского Дальнего Востока.

К началу марта 1920 г. войска Красной Армии подошли к границе Дальневосточного края – реке Селенге.

Верховный правитель России адмирал А.В. Колчак еще 7 февраля 1920 г. был расстрелян в городе Иркутске по приговору революционного трибунала. Чешский корпус, который в мае месяце 1918 г. был основной ударной силой контрреволюции, теперь панически бежал во Владивосток и спешно эвакуировался.

2 марта 1920 г. под ударами партизанских отрядов пал г. Верхнеудинск (Улан-Удэ) и там было официально объявлено о создании Дальневосточной демократической республики (ДВР).

В результате победоносной борьбы партизан к началу марта 1920 г. вся территория Амурской области была очищена от белогвардейцев, и японцы были вынуждены вывести свои войска из Амурской области. Здесь была полностью восстановлена Советская власть. На территории Приморской области во всех городах и по линии железной дороги японским военным гарнизонам противостояли части партизанской армии..., которые формировались в регулярные войска. Вся власть была в руках Приморской земской управы, полностью контролируемой коммунистами.

К 1 апреля 1920 г. американские, чешские и другие интервенционистские войска, кроме японских, были эвакуированы. Таким образом, японские войска оставались один на один с революционными

войсками и перед лицом горящего ненавистью к оккупантам населения Дальнего Востока. Такова была военно-политическая обстановка в марте 1920 г.

Прибыв во Владивосток в конце ноября 1919 г. С.Г. Лазо активно работал в военном отделе Дальневосточного областного комитета партии. «С его приездом работа обкома, писала М.М. Сахьянова¹, стала активнее и по-настоящему боевой»².

Военная деятельность С.Г. Лазо в качестве заведующего военным отделом обкома была очень многогранна и охватывала все стороны военно-организаторской и политической работы. Об этом убедительно говорят многочисленные архивные документы.

С огромной энергией С.Г. Лазо продолжал работать над организацией и укреплением регулярной революционной армии, постоянно пополняющейся за счет рабочих, партизанских отрядов и бывших колчаковских частей, перешедших на сторону большевиков.

Новая армия строилась по типу Красной Армии, подобный опыт у С.Г. Лазо уже имелся.

Одним из направлений военной деятельности С.Г. Лазо являлась разработка стратегии и тактики борьбы с белогвардейцами и военной интервенции на Дальнем Востоке, руководство боевыми операциями. В качестве примера можно привести организацию борьбы с белогвардейцами и японскими интервентами во Владивостоке, где она получила наибольшее развитие.

Следует подчеркнуть, что после оккупации Дальнего Востока белогвардейскими войсками и японскими интервентами партийные организации, находясь в подполье, изменили тактику борьбы. Их действия были направлены на поднятие одновременно вооруженного восстания во всех крупных городах Дальнего Востока.

С.Г. Лазо совместно с И.Г. Кушнаревым³ и другими работниками обкома занимался оценкой складывающейся обстановки, вырабатывал тактику борьбы, создавал военную организацию для руководства вооруженной борьбы.

¹ Сахьянова М.М., член КПСС с 1916 г. В 1917-1918 гг. член и секретарь Иркутского комитета РКП (б). В 1919-1920 гг. секретарь подпольного Дальневосточного областного комитета РКП (б). (См.: Приложение №11).

² Сергей Лазо. Воспоминания и документы. – С.129.

³ Кушнарев И.Г., член партии большевиков с 1915 года. В 1919-1920 гг. председатель областного подпольного комитета РКП (б).

Он изучал материалы и итоги ноябрьского восстания во Владивостоке, глубоко анализировал причины, повлекшие поражение. Написал по этому вопросу статью в газету «Коммунист», издававшуюся Дальневосточным обкомом РКП (б) в декабре 1919 г.¹ Во всех номерах газеты, вышедшей в декабре 1919 – январе 1920 г. были статьи С.Г. Лазо по вопросам тактики партийной организации. Ознакомившись с работой военного отдела обкома РКП (б) и его связями с боевыми дружинами, военно-морскими частями и партизанскими отрядами, продумав вопросы партийного руководства предстоящей вооруженной борьбой, он внес предложение на заседании обкома² о создании Военно-революционного штаба коммунистов. Дальневосточный комитет принял это предложение и создал областной Военно-революционный штаб в составе девяти человек. Штаб начал свою работу с первых чисел января 1920 г.

В состав Военревштаба вошли такие опытные работники военного отдела обкома, как Б.З. Шумяцкий, В.В. Шишкин, И.И. Ершов и др.³ В своей деятельности Военревштаб опирался на широкую сеть партийных ячеек предприятий порта, учреждений города, колчаковских частей гарнизона Владивостока и партизанские отряды Приморья.

Штаб провел большую работу по созданию на предприятиях рабочих дружин и революционных групп солдат, насильно мобилизованных в армию А.В. Колчака.

Обстановка на Дальнем Востоке накалялась, повсеместно нарастало повстанческое движение под лозунгом восстановления Советской власти. В то же время наблюдались растерянность и падение дисциплины в войсках противника. В частях белой армии создавались революционные группы, через которые велась большая пропагандистская работа, распространялись листовки с призывом повернуть оружие против колчаковской армии, власти и интервентов и переходить на сторону партизан, Советской власти. Эта политическая работа среди белых войск давала значительный результат, дезертирство приняло массовый характер. Солдаты целыми частями переходили на сторону революционных войск.

¹ Коммунист. – 1919. – 27 декабря.

² ЦГА ДВ РФ. Ф.563, оп.2, д.43, л.56.

³ Лазо Сергей. Воспоминания и документы. – С.143.

Так, в ночь с 1 на 2 декабря 1919 г. восстал гарнизон в селе Казанки. Восставшие солдаты в составе 400 человек арестовали офицеров и, захватив с собой оружие, перешли на сторону партизан¹.

В это время С.Г. Лазо уделяет большое внимание связи военного отдела обкома партии с мобилизованными солдатскими массами колчаковской армии, которая постоянно расширялась и укреплялась.

В период проведенного вооруженного восстания во Владивостоке Дальневосточный комитет партии выработал меморандум, который был отправлен консулам всех стран, учувствовавших в интервенции за подписью С.Г. Лазо от лица объединенного штаба. В этом меморандуме интервенты предупреждались о предстоящем занятии революционными войсками города Владивостока.

Лазо С.Г. разработал оперативный план восстания, в котором для каждой воинской части были указаны время выхода из мест дислокации, точный маршрут следования, объект захвата. После совершения восстания на площади был организован митинг. На нем по поручению обкома РКП (б) выступал С.Г. Лазо. Он говорил о борьбе с белогвардейцами и интервентами, о роли большевистской партии, о героях, павших за пролетарскую революцию².

Будучи председателем военного совета С. Г. Лазо одновременно выполнял ряд партийных обязанностей: работал в областном комитете партии большевиков, в Дальбюро РКП (б).

Работа С.Г. Лазо была направлена на подготовку войск к вооруженной борьбе с интервентами. Он предусматривал необходимость образования прочного фронта обороны на случай японского наступления. Об этом свидетельствует решение об эвакуации военного имущества из Владивостока в Амурскую область, отправке сохранившихся запасов золота и переводе военного совета Народно-революционной армии в Хабаровск. О том, что С.Г. Лазо непоколебимо стоял на позиции возможности и необходимости организации военного отпора интервенции, свидетельствует его выступление на партийной конференции в Никольск-Уссурийске, проходившей 16 – 19 марта 1920 года: «Нам предстоит борьба с внешней реакцией, она еще не окончена, а только замерла, но мы не бросаем ей вызов, а будем сопротивляться при малейших попытках ее проявления»³.

¹ Амурская правда. – 1919. – 5 декабря.

² Амурская правда. – 1920. – 29 февраля.

³ РЦХИДНИ, ф.372, оп.1, д.6, л.7.

В разговоре по прямому проводу из Хабаровска с руководящими работниками Амурской области еще 18 февраля 1920 г. С.Г. Лазо совершенно ясно представлял себе создавшееся положение: «перед Японией, говорил он, два выхода: первое – добровольно уйти, второе – оккупировать край. Шансы одинаковы. Мы должны быть готовы к худшему и организовать все для борьбы. Ни одна воинская часть не должна расходиться. Должны спешно организовываться новые части»¹.

Первого апреля С. Лазо послал через Якутск радиogramму штабу 5-й армии в Иркутск, в которой указывал невозможность выступления японцев и просил помощи вооружением: «... винтовок сто тысяч, патронов сто миллионов, пулеметов пятьсот»².

Это говорит о том, что С.Г. Лазо считал вполне возможным и вероятным столкновение с интервентами, не боялся его, а энергично готовился к серьезному военному отпору.

Возникает вопрос: почему же тогда события 4-5 апреля 1920 г. застали врасплох и самого Сергея Лазо и все вверенные ему войска?

Как и почему это случилось?

Изучая партийные документы тех лет, можно предположить, что это произошло в результате неправильной политической ориентации партийного руководства Приморской области; политика умиротворения агрессора парализовала инициативу военного командования и С.Г. Лазо утратил свободу действий как главком.

Военно-политическая обстановка требовала приведения всех войск в боевую готовность. С.Г. Лазо, разумеется, не мог этого не понимать, но он был членом обкома, который делал ставку исключительно на мирные переговоры и боялся, что приведение войск в боевую готовность может вызвать военное столкновение с Японией.

Революционные войска были расположены в тех же пунктах (они занимали почту, телеграф, вокзалы, казармы), что и японские гарнизоны. В создавшемся положении выходом являлся – это отвод наших войск из зоны непосредственного соприкосновения с японцами. Это также являлось бы одной из форм приведения войск в боеготовность. Но такой попытки также не было своевременно сделано. Почему? Потому что такое мероприятие могло вызвать осложнения двоякого рода:

¹ Голионко В.С. В огне борьбы. – С.178-179.

² Красное знамя. – 1920. – 21 марта.

во-первых, это разрушило бы планы агрессора, так как подвергало бы его войска опасности блокады, было опасно для японцев и, конечно, могло вызвать его «раздражение», а раздражать агрессора руководство обкома партии не считало возможным ни в коем случае;

во-вторых, такое мероприятие не было бы понятно нашим войскам. Боевые революционные части вряд ли согласились уходить без боя из города, занятых ими после победоносной борьбы ценой большой крови.

События 4 – 5 апреля застали С.Г. Лазо во внеслужебной обстановке: руководство действиями армии фактически перешло из рук военного командования в руки политического руководства.

Запрещение привести армию в боевую готовность было огромной ошибкой руководства обкома.

Члены военного совета С.Г. Лазо, А.Н. Луцкий и В.М. Сибирцев в момент японского выступления 4 апреля 1920 г. находились в гостинице «Золотой Рог» (см.: Приложение 9).

В девять часов вечера в комнату вошел военный человек с окровавленным лицом и сообщил, что японцы захватывают правительственные задания и вокзалы. С.Г. Лазо вместе с товарищами направился из гостиницы в помещение следственной комиссии, где находился штаб военно-революционных сил.

Сергей Георгиевич, конечно, прекрасно понимал, что единственным выходом, единственной возможностью спасти положение – это было немедленно организовать решительный отпор военному выступлению японцев во Владивостоке.

Имеющиеся сведения о Сергее Лазо, как о человеке и военачальнике, говорят о том, что он вполне смог бы организовать сопротивление частям войск, находящихся в городе, и тем спасти армию от разгрома, даже с учетом того, что японцы захватили инициативу и имели значительный перевес в живой силе и технике.

Какие же конкретные меры по оказанию сопротивления японцам и по спасению армии от разгрома были приняты С.Г. Лазо во время нахождения в здании следственной комиссии и в чем они заключались?

Архивы не сохранили ответ на этот вопрос, и мы в выяснении истины можем руководствоваться воспоминаниями очевидцев.

Так, например, М.И. Губельман, член Дальневосточного бюро РКП (б), вспоминает, что в помещении следственной комиссии

С.Г. Лазо все время вел переговоры по телефону с воинскими частями, давал пояснения о том, что делать, как поступать в тех или иных случаях¹.

Каким частям Владивостокского гарнизона или периферии С.Г. Лазо дал указания и в чем они конкретно выражались? На этот вопрос М.И. Губельман, активный участник тех событий, не отвечает.

Один из исследователей – доктор исторических наук, профессор И.И. Немиров пытается дать ответ на этот вопрос. Он утверждает: «Чтобы не вызвать напрасного кровопролития и сохранить воинские части от разгрома превосходящими их силами интервентов, С.Г. Лазо стал отдавать приказ об организации вывода этих войск из города в сопки. А.Н. Луцкий В.М. Сибирцев уничтожали секретные документы. Распоряжения об отходе в тайгу С.Г. Лазо отдавал частям, размещенным в других городах»².

Противоположную точку зрения по этому вопросу высказывает один из участников освобождения Дальнего Востока от интервенции и вооруженных формирований Г.М. Семенова, военный комиссар 1-й бригады 1-й Иркутской стрелковой дивизии И.П. Кальманович. Он пишет: «Эти утверждения не соответствуют исторической действительности. Трагедия С.Г. Лазо, как человека и полководца, именно в том и заключается, что в эти решающие часы он не мог отдавать и не отдавал войскам никаких приказов и распоряжений, потому что сам был вынужден подчиниться уже отданному приказу: «Не оказывать сопротивления японцам»»³.

Предположения И.П. Кальмановича наиболее верны. Они во многом схожи с высказываниями самого С.Г. Лазо. При свидании с женой, Ольгой Андреевной Лазо, 8 апреля 1920 г., спустя три дня после ареста, Сергей Георгиевич сказал ей: «Когда в городе началась стрельба, я поспешил в здание следственной комиссии – надо было спасти ценные документы. Отсюда связался с воинскими частями, узнал, что они получили приказ командующего не оказывать сопротивление японцам»⁴.

Из рассказа С.Г. Лазо понятно, что после того, как он опросил воинские части и узнал, что они получили распоряжение командую-

¹ Губельман М.И. Лазо. – М.: Молодая гвардия. 1956. – С.263.

² Немиров И.И. В огне революции. – Кишинев. 1958. – С.239.

³ Кодры. – 1989. - №8. – С.134.

⁴ Воспоминания и документы о Сергее Лазо. – С.83.

щего войсками А.А. Краковецкого не оказывать сопротивления, перед ним и другими членами военного совета, встала трагическая дилемма: или немедленно отменить это, по сути дела, предательское распоряжение А.А. Краковецкого и, нарушив партийную директиву, принять на себя лично всю полноту политической ответственности, или подчиниться этому распоряжению, не давать никакой другой команды войскам и, выполняя долг дисциплинированного солдата партии, передать судьбу войск и свою судьбу в руки политического руководства, которое продолжало оставаться на позиции умиротворения агрессора. С.Г. Лазо не решился на нарушение партийной директивы.

Поэтому и нет ни одного факта, подтверждающего получение какой-либо воинской частью Владивостокского гарнизона или другими гарнизонами в других городах и районах, команды Сергея Лазо. Поэтому большинство частей Владивостокского гарнизона было обезоружено без боя японцами.

Единственный приказ, который С.Г. Лазо непосредственно отдает воинским частям с момента японского выступления – это приказ охране следственной комиссии: не оказывать сопротивления. И этот единственный приказ С.Г. Лазо отдает не от своего имени, а от имени командующего войсками А.А. Краковецкого.

Возникает вопрос: почему? Кто такой А.А. Краковецкий?

Краковецкий А.А. – это бывший подполковник царской армии, эсер-областник. Он был военным министром контрреволюционного Сибирского областного правительства. Входя от блока эсеров в правительство Приморской земской управы, он формально являлся командующим войсками. А.А. Краковецкий – человек, не заслуживающий никакого политического доверия и не пользовавшийся доверием коммунистов. Никакой фактической военной власти он не имел. Он не смог бы провести в жизни ни одного ответственного военного распоряжения без ведома и санкции военного совета. Фактически же председателем военного совета был С.Г. Лазо, так как формально председателем военного совета был эсер К.Я. Линдберг.

О том, что С.Г. Лазо не только не отдавал войскам никакой команды и приказаний, но и сам подчинился распоряжению командующего войсками А.А. Краковецкого, неопровержимо свидетельствуют показания стрелков учебно-инструкторской школы. Товарищи В.Н. Гриневич, С.Ю. Гопан, М.И. Кернер и А.Н. Гридне несли караул в здании следственной комиссии и были арестованы одновременно с

С.Г. Лазо. Они единогласно дали показания, что: «Около двух часов ночи товарищ Н.А. Кандыба, стоявший на внешнем посту, заметил наступающие цепи японцев на здание следственной комиссии и известил об этом начальнику караула М.И. Астахова. Было доложено и С.Г. Лазо. Он сказал, что получен приказ от назначенного земской управой командующего войсками А.А. Краковецкого сопротивления японским военным служащим не оказывать. Было принято решение провести с ними переговоры и был выкинут белый флаг»¹.

По сути дела, в таком решающем вопросе, как взаимоотношения с японцами, не С.Г. Лазо должен был подчиниться команде А.А. Краковецкого, а наоборот, А.А. Краковецкий должен был проводить в жизнь директивы военного совета, т.е. С.Г. Лазо.

Лазо С.Г., как фактический председатель военного совета, нес свою полноту ответственность за действия и распоряжения командующего войсками А.А. Краковецкого, имел полную возможность отменить любое его распоряжение и был обязан это сделать, если того требовали обстоятельства.

Не подлежит сомнению, что С.Г. Лазо, А.Н. Луцкий и В.М. Сибирцев отменили бы приказ А.А. Краковецкого и встали бы во главе войск для организации отпора врагу, если бы С. Г. Лазо не получил категорического подтверждения политической директивы – не оказывать вооруженного сопротивления японцам. Только в силу такой директивы С.Г. Лазо и подчинился распоряжению А.А. Краковецкого.

Из проведенного анализа источников и литературы совершенно очевидно, что ни одна воинская часть, ни одно официальное учреждение земской управы не получили никакого распоряжения или указания о возможности военного выступления японцев, таким образом, правительство Дальневосточной республики само не ожидало вооруженного вмешательства японцев в этот период.

Поэтому врасплох застали не только все гарнизоны на периферии, но даже и верховный орган области – съезд Советов трудящихся, который работал в это время в г. Никольск-Уссурийске.

Это обстоятельство подтверждается фактами и неопровержимыми показаниями.

Так, М. Сафьянов, редактор Владивостокской газеты «Набат», рассказывая о событиях 4 - 5 апреля 1920 г. в г. Никольск-Уссурийске писал: «Я был избран на съезд делегатом. Работа съезда подходила к

¹ Сергей Лазо. Воспоминания и документы. – С. 188.

концу. Оставался один не обсужденный вопрос – доклад военного совета. На вечернем заседании 4 апреля было решено перенести обсуждение этого вопроса на завтра и, если С.Г. Лазо и другие представители военного совета не придут, съезд закрыть. Ночью нас арестовали японцы»¹.

О том, что части войск, расположенные на периферии, не получали от С.Г. Лазо никакой информации, не говоря о приказах, поэтому оказались совершенно неподготовленными к отпору японского нападения, свидетельствует очевидец и участник тех событий, член Политбюро РКП (б) П.П. Постышев, комиссар отряда И.П. Шевчука. В воспоминаниях он писал, что в ночь с 4 на 5 апреля в Хабаровске неожиданно японцы выступили против партизан... . Партизаны были захвачены врасплох... Город пылал в огне. То же самое, примерно, происходило и в Никольск-Уссурийске.²

Обком считал, что всякая подготовка к сопротивлению смертельно опасна, а подписанный ультиматум о полной бездеятельности войск по отношению к японским войскам умиротворяет агрессора и гарантирует полную безопасность.

В этом и заключалась политическая ошибка Дальневосточного обкома партии большевиков, повлекшая за собой затягивание военного конфликта на Дальнем Востоке, гибели одного из создателей Народно-революционной армии Дальневосточной республики, Председателя военного совета республики Сергея Георгиевича Лазо³. Эта ошибка – печальный исторический факт. Ее нельзя исправить, ее нужно понять правильно, чтобы сделать соответствующие выводы.

Таким образом, из документов видно, что С.Г. Лазо как председатель военного совета, командующий Вооруженными Силами республики не несет никакой исторической ответственности за военную катастрофу 4-5 апреля 1920 г. Но Сергей Георгиевич был членом бюро обкома партии, принявшего неправильное политическое решение. Какова же политическая ответственность С.Г. Лазо в этом вопросе?

М.И. Губельман в работе «Лазо», где описывается заседание обкома партии, на котором было решено принять японский ультиматум, охарактеризовал позицию С.Г. Лазо следующим образом: «Да, мы обязаны это сделать, согласился С. Лазо. – Нам необходимо, во что

¹ См.: Таежные походы. Сб., Владивосток. – 1935. – С.239-240.

² Постышев П.П. Гражданская война на Востоке Сибири. Воениздат. 1957. – С.25,55.

³ Красное знамя. – 1920. – 20 мая. - №79.

бы то ни стало выиграть время. Отступить на новые позиции, другого выхода нет»¹.

Это единственное, что нам известно об отношении С.Г. Лазо к вопросу и принятии японского ультиматума.

Лазо С.Г. вынужден был согласиться с этим в силу того обстоятельства, что большинство членов обкома рассматривали вопрос о принятии ультиматума только с политической, точки зрения, а не с военной.

Вопрос о возможности военного отпора экспедиционной армии Японии силами революционных войск не ставился. Вопрос разрешался в плоскости необходимости принять меры к «умиротворению агрессора», дабы избежать военного столкновения между Японией и Советской Россией.

«В обкоме помнили указание Центрального Комитета, пишет М.И. Губельман, ни в коем случае не вызывать столкновения с японскими войсками, не обострять отношения»².

Поскольку принятие ультиматума подавляющее большинство членов обкома мотивировало необходимостью выполнения политической директивы Центрального Комитета партии, С.Г. Лазо, видимо, считал не возможным не согласиться с ней.

Однако и при учете всех этих обстоятельств С.Г. Лазо считал необходимым «отступление на новые позиции», т.е. активные оборонные действия.

Но осуществить такой отход военное командование своевременно не могло из-за рассмотренной выше ошибочной позиции обкома – «не поддаваться на провокацию, войскам стоять спокойно».

В ночь с 4 на 5 апреля 1920 г. С.Г. Лазо вместе с членами военного совета А.Н. Луцким и В.М. Сибирцевым были арестованы японскими войсками. 20 апреля они были вывезены из Владивостока на станцию Муравьево-Амурская Приморского края (ныне станция Лазо) и солдатами военных формирований белогвардейского отряда Бочкарева сожжены в паровозной топке.

Непродолжительным по времени, но еще более ярким и глубоким по содержанию был период работы С.Г. Лазо по осуществлению военной политики Коммунистической партии в Дальневосточной республике. Здесь раскрылись все качества и черты характера этого

¹ Губельман М.И. Лазо. – С.253.

² Там же.

замечательного человека: талант; грамотность в решении военных вопросов; инициатива, проявленная им в решении политических вопросов. Раскрылся его стиль руководства, которому был характерен разумный самостоятельный подход в решении стоящих и возникающих проблем и задач.

Изучив военно-организаторскую деятельность С.Г. Лазо в годы военной интервенции и гражданской войны с марта 1918 г. по апрель 1920 г., автор пришел к выводам:

Первое. С.Г. Лазо проявил уникальные способности полководца в должности командующего Забайкальским фронтом. Став командующим в критический для фронта момент, он в короткое время повысил боевую выучку и моральный дух подразделений и частей фронта, что позволило завершить им разгром войск А.В. Колчака и вооруженных формирований Г.М. Семенова. Фронт от г. Иркутска до г. Читы перестал существовать. Роль С.Г. Лазо, как командующего фронтом, была велика. Он внес крупный вклад в разгром белогвардейских войск и военной интервенции.

Второе. В качестве командующего Вооруженными Силами Приморья С.Г. Лазо проводил большую работу, которая была направлена на создание регулярной армии и включала в себя: деятельность по комплектованию войск командным, политическим, техническим и рядовым составом; централизованное боевое и военно-хозяйственное обеспечение войск; развитие всех видов транспорта и связи.

Находясь большую часть времени в войсках на передовой, С.Г. Лазо занимался укреплением наиболее слабых участков фронта и организацией выполнения боевых задач. Он принимал самое активное участие в разработке стратегического плана наступления на вооруженные формирования Г.М. Семенова, предложив свой вариант организации наступления.

Третье. Как одному из важнейших направлений военного строительства большое внимание С.Г. Лазо уделял политическому воспитанию воинов Народно-революционной Армии, партизанских отрядов и местного населения. Свои теоретические взгляды и конкретные предложения по коренному улучшению этой работы он изложил на IV Дальневосточной краевой конференции РКП (б) в городе Никольск-Уссурийск 17 марта 1920 г. Настойчивая реализация их в своей военно-организаторской деятельности явилась важной предпосылкой успехов С.Г. Лазо на фронтах войны.

Четвертое. Большую работу по осуществлению военной политики Коммунистической партии проводил С.Г. Лазо на Дальнем Востоке в качестве командующего партизанскими отрядами Приморья, начальника объединенного штаба военно-революционных сил приморья.

Под его руководством была оказана реальная помощь в установлении Советской власти в Приморье, успешно проходила борьба с белогвардейцами, военной интервенцией в Спасске, Волочаевске и Владивостоке. Он лично разрабатывал и принимал участие в осуществлении наиболее крупных военных операций. Большое внимание он уделял укреплению Вооруженных Сил Приморья. Крупных успехов в борьбе с контрреволюцией С.Г. Лазо добивался, соответственно, смелой, гибкой экономической, социальной, культурной и национальной политикой, проводимой им на Дальнем Востоке. Народ по достоинству оценил заслуги С.Г. Лазо.

Его имя и светлый образ навеки останутся в нашей памяти.